

Статья посвящена малоизученным аспектам русской загородной культуры. В научный оборот вводятся новые материалы из фондов РГИА. На основе проектов загородных построек для пригородов Петербурга рассматриваются различные направления развития дачной архитектуры.

Ключевые слова: русская дачная культура; дачная архитектура; национальный стиль. /

The article is devoted to little-studied aspects of the Russian countryside culture. New materials from the archives of the Russian State Historical Archive are introduced into the scholarly discourse. The author considers different trends in dacha architecture on the basis of projects for the suburbs of St. Petersburg.

Keywords: Russian dacha culture; dacha architecture; national style.

< Рис. 1. Эскиз дома для рыбаков. Мыза Знаменская. Архитектор К. Симонис. 1842 [8]

Русская дача от Петербурга до Харбина: стилистика и семантика / Russian dacha from Petersburg to Harbin: Stylistics and semantics

Введение

Статья написана в рамках международного русско-венгерского проекта «Архитектурный образ Родины». Дачный уклад (и шире – русская загородная культура) рассматривается как апроприация «высокой» аристократической культуры прослойкой формирующейся буржуазии и ее дальнейшая, нисходящая, адаптация мещанским и разночинным сословиями.

Степень изученности темы. Загородная жизнь привилегированных слоев Российской империи подробно исследована благодаря подвижнической деятельности участников Общества изучения русской усадьбы, повторно (после 1920) основанного в 1992 году и регулярно выпускающего сборники материалов под редакцией М. В. Нащокиной. Четверть века назад, в 1998 году, вышел тематический номер журнала «Проект Россия» «Частный дом» с обзорами истории загородного строительства в Российской империи, СССР и РФ. Впервые дачи было предложено рассматривать как уникальный феномен русской культуры. Тексты Е. И. Кириченко и М. В. Нащокиной о пригородах Москвы и Петербурга сформировали основу «русского дачного» дискурса, на котором базируется новое поколение историков. Подмосковные пригороды и поселки второй половины XIX – начала XX века описаны в монографии А. В. Белова [1] и кандидатской диссертации Д. В. Тараканова (Москва, 2007). Не менее старательно изучены петербургские дачные локации (Красное село, Царское село, Павловск, Каменный остров, Сестрорецк и проч.). Укажем на кандидатские диссертации О. И. Черных, где рассматривается дачное строительство Петербургской губернии XVIII – начала XX века (СПб., 1993), и О. Ю. Малиновой, посвященную социально-культурным факторам формирования дачного пространства вокруг Петербурга (СПб., 2006).

Из зарубежных работ, открывающих широкому кругу читателей русскую дачную культуру, наиболее известна монография С. Ловелла «Летняя публика. История дачи, 1710–2000» [2]. Дальневосточные дачные кластеры (Садгород под Владивостоком и Солнечный остров напротив Харбина) рассматривались в работах С. С. Левово, посвященных влиянию концепта города-сада на градо-

строительные практики Тихоокеанской России. В сложившемся за первую четверть XXI века «дачном нарративе», объединяющем академические исследования и краеведческие студии, намечены основные этапы развития русской дачной культуры – 1837–1860-е, 1870–1890-е, 1890–1910-е годы, связанные со строительством железных дорог, ростом урбанизации, демократическими реформами и становлением буржуазии как самостоятельного субъекта.

Подробно изучено влияние санитарно-гигиенической пропаганды на развитие дачного пространства; рассмотрена типология дач, от загородных вил до крестьянских изб, сдающихся в наем; установлены и описаны основные массивы памятников дачной архитектуры, сконцентрированные в столичных пригородах, изучены превращения дачного пояса в субурбии и проч. Опираясь на работы коллег, малоизвестные архивные и библиотечные материалы, а также на собственные натурные обследования петербургских дачных локаций, мы продолжаем развивать темы, намеченные в предыдущих текстах, посвященных конструированию архитектурного образа Родины и поискам национального стиля [3].

Основная цель статьи – введение в научный оборот ряда проектов, выявленных в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Судя по отсутствию отметок о копировании на контрольных листах архивных дел, эти образцы архитектурной графики середины – второй половины XIX века публикуются впервые. Анализируя проекты дач и служебных построек, мы ищем ответы на вопросы:

- как соотносится архитектура дворянских усадеб и мелкобуржуазных дач,
- как формировалась «дачная» версия национального стиля,
- как связаны между собой дачная и железнодорожная архитектура.

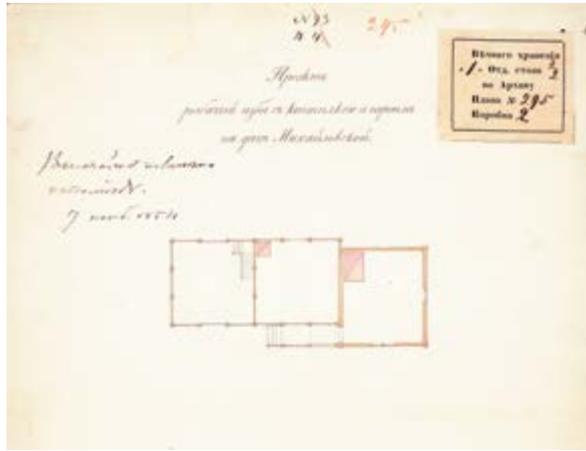
Во второй части статьи (базирующейся на отсылках к русской классической литературе середины XIX – начала XX века) сделана попытка расширить семантику дачной жизни, рассматривая ее, во-первых, как пространство эмансипации и, во-вторых, как переходное, транзитное пространство между «высокой» дворянской культурой,

текст

Алина Иванова
Тихоокеанский государственный университет /
text

Alina Ivanova
Pacific National University

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и РЯИК № 21-512-23004 /
Acknowledgements: The research was supported by RFBR and FRLIC, grant No. 21-512-23004

> Рис. 2. Проект «рыбачьей избы». Михайловская дача. Архитектор А. Резанов [8]

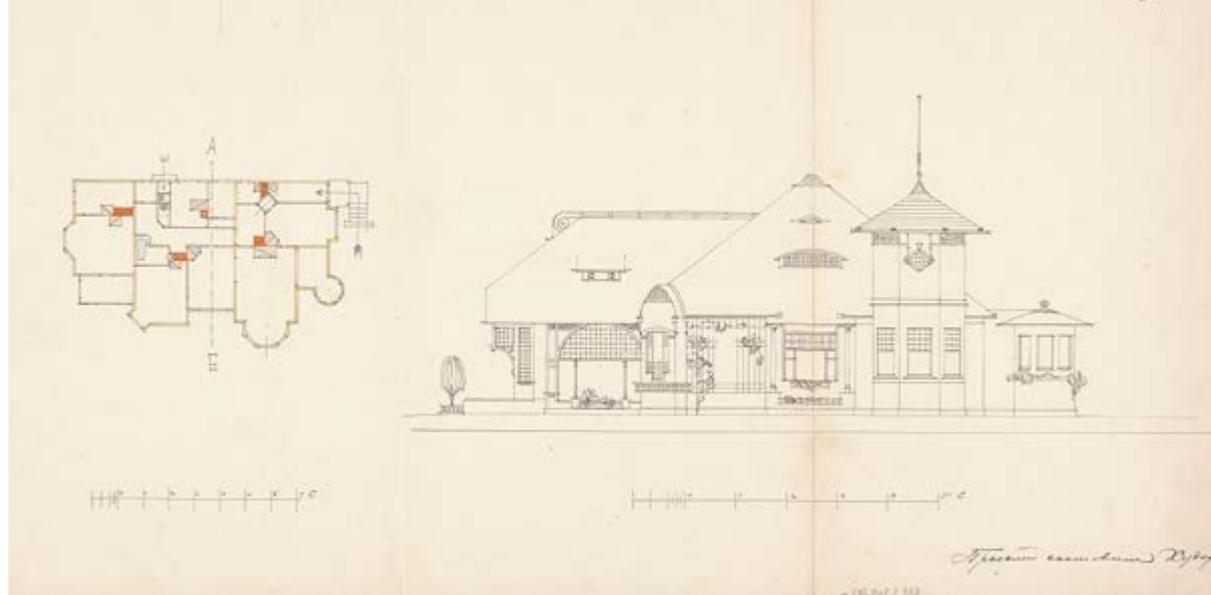
агрессивной урбанизацией и архаичным крестьянским укладом (причем со всех сторон дачи испытывали негативное давление и обструкцию). В заключительной части дан краткий обзор развития дачной культуры на юге Приморья и в окрестностях Харбина.

Формирование образа русской дачи
Красное Село – летняя воинская столица Российской империи. Традиция летней жизни за городом была инспирирована милитаризованностью высокой русской культуры. Гвардейские полки с начала мая проводили лагерные сборы, первый летний военный лагерь был разбит в Красном Селе в 1765 году, в 30 верстах от Санкт-Петербурга. Красное Село к середине XIX века стало считаться летней воинской столицей Российской империи, так как императорский двор обязательно выезжал туда на лето вслед за военными. В 1850 году по приказу Николая Первого в Красном Селе был построен Летний деревянный театр (реконструированный в 1904 году А. И. фон Гогеном), там проходили скачки, описанные Л. Н. Толстым в «Анне Карениной» (1873–1876). Первоначальные трибуны в 1892 году были перестроены по проекту военного инженера В. А. Коляновского в русском стиле. На парадных портретах русские императоры Александр III (художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, 1896) и Николай II (художник И. Е. Репин, 1896) изображены на фоне бревенчатых стен офицерского собрания лейб-гвардии Преображенского полка в Большом лагере под Красным Селом. Во многом из-за необходимости и летом находиться в непосредственной близости к императору сформировался дачный петербургский образ жизни, хотя с точки зрения климата это вряд ли способствовало укреплению здоровья. Летний красносельский уклад был жестко разделен по гендерному принципу. Офицеры жили в казармах, светские дамы проводили лето в окрестных дачах. Выскажем предположение, что от этой практики идет «феминность» русской дачи, ее трактовка как «женского» пространства (в отличие от «мужского» петербургского дома).

Дачная архитектура формировалась по нескольким направлениям, наиболее интересным для нас является национально ориентированное.

Михайловская дача – опыт конструирования «русского». Заказчиками и вдохновителями русского стиля являлись члены императорской фамилии и лично российские императоры. Перед тем, как «уйти в народ», национальный стиль проходил адаптацию на царских дачах. В ландшафтных парках, окружавших летние резиденции членов императорской фамилии, помимо романтических «средневековых» руин, «турецких» бань и «китайских» беседок, в середине XIX века начинают появляться живописные «фольклорные» постройки, не имеющие прямых европейских аналогов. В качестве примера укажем на «Проектный чертеж рыбацкой избы с копильней и сараем на Михайловской даче» А. И. Резанова (1854), хранящийся в РГИА [4]. До Резанова над проектами для дачи великого князя работали А. И. Штакеншнейдер, И. И. Шарлемань, Г. Э. Боссе в привычном для двора роскошном историзме. Резанов, занимаясь перепланировкой парка, размещает свою скромную постройку на самом берегу Финского залива. Интересно сравнить резановскую рыбацкую избу с более ранним (1841) проектом избы рыбака для соседней Знаменской мызы [5] (где тот же Штакеншнейдер перестраивал старый дворец для великого князя Николая Николаевича). Эта трапециевидная в плане постройка объединяет три традиционных сруба под скатными крышами, украшенными пропиленной резьбой (рис. 1).

Проект Резанова менее радикален, это не изба, а скорее элегантный садовый павильон с асимметричным фасадом, поставленный на аккуратный цоколь из серого «дикого» камня (рис. 2). Для создания выразительного образа утилитарного сооружения используется и национальный декор (резные полотенца и стойки фронтона, сквозной подзор крыш, наличники с ягодами, балясинки со звездами, крыльцо с «гульбищем»), и – более понятные и привычные высокому заказчику – приемы европейского романтизма: крестообразный фахверк, мезонин, кружевной фриз над воротами копильни, тритончик-акротерий вместо ожидаемого петушка на коньке фронтона. «Русскость» объекта подчеркивается стаффажем (баба в сарафане с коромыслами в паре с мужиком в армяке, картузе, лаковых сапогах и с багром на плече). В плане рыбацкая изба состоит из трех квадрат-

< Рис. 3. Эскиз дачи художника Ф. Ф. фон Постельса на Каменном острове. 1907–1917 [5]

ных клеток с двумя печками и крыльцом, вынесенным на главный фасад. Одухотворенность этого небольшого эскиза позволяет рассматривать его не только в качестве примера безупречно-профессиональной графики, но и как попытку придворного архитектора уловить органичную связь народной архитектуры с пейзажем. Блеклое осеннее небо, рыжая глина размытой проселочной дороги, невзрачные кусты по обочинам на эскизе А. И. Резанова превосходят хрестоматийный русский пейзаж Ф. Васильева и И. Левитана.

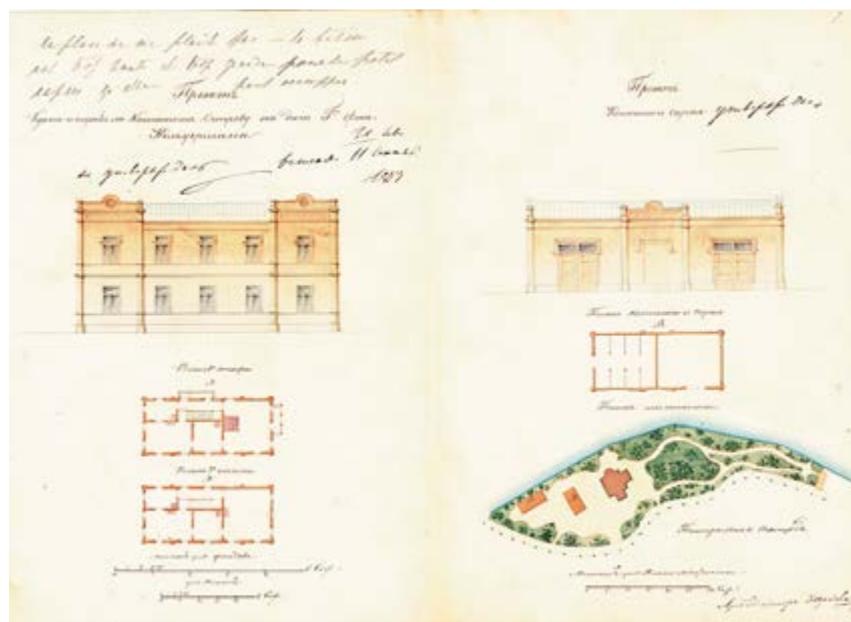
Острова – маленькая Европа. Утилитарное отношение к русскому стилю, в котором оформлялись подсобные постройки, сохранялось и на буржуазных дачах Каменного острова, при этом сами дачи выглядели примерно так, как показано на рис. 3. Аристократические владельцы сдавали участки под дачи, и в РГИА есть десятки дел с перепиской об условиях найма; среди бесконечных «входящих» и «исходящих» документов попадаются проекты дач.

Рассмотрим характерное дело 1857 года о «разрешении коллежскому секретарю Г. фон Кельдерману постройки новых служб взамен сгоревших на его даче на Каменном острове и продажи дачи» [6]. К прошению прилагался небольшой, раскрашенный акварелью проект архитектора Юркевича (рис. 4). Судя по генплану, криволинейный участок прилегал с северо-запада к Театральной площади – главному общественному пространству Каменного острова (рис. 5). Более респектабельной локации сложно было найти. Двухэтажный служебный корпус и одноэтажная конюшня решены в солидно-неопределенном – «европейско-историческом» стиле. На обеих постройках главными выразительными элементами являются одинаковые аттики с полукруглыми завершениями. Грани секций симметричных фасадов зафиксированы гранеными полуколоннами «тюдоровского» вида, цоколи и карнизы четко выражены, по горизонтали фасад служебного корпуса расчленяет межэтажный пояс.

Кирпичная кладка на проекте не выявлена, но характерный цвет не оставляет сомнения в материале построек. На фоне этих чопорных и скучноватых сооружений, которые явно должны были понравиться коллежскому секретарю Г. фон Кельдерману, неожиданно радует глаз

яркая, пестро раскрашенная кухня (рис. 6) в условно русском стиле с очень сильным немецким акцентом. Крестообразные накладные детали первого яруса можно трактовать и как геометризованные соляные символы, и как намек на фахверк. Жесткая классицистская схема фасада с выступающими ризалитами не имеет ничего общего с национальной русской традицией. Даже резьба, украшающая ломаные очертания крыш, развернута вверх, а не вниз, как на русских избах. Коньки фронтонов завершают не петушки/лошадки, а замысловатые акротерии. Сложный резной декор балконного ограждения с аркатурным поясом также совершенно не характерен для русского стиля. Даже расшивка досками верхней части фасада – вертикальная, а не горизонтальная, как у нас. Да и ампельные растения, живописно драпирующие балконы и окна, не типичны для наших широт. Именно такая – максимально вестернизированная – версия русского стиля была условно приемлема для оформления самых низкоранговых построек Каменного остро-

> Рис. 4. Проект служебного корпуса и конюшни. Дача коллежского секретаря Г. фон Кельдермана на Каменном острове. Архитектор Юркевич. 1857–1872 [4]

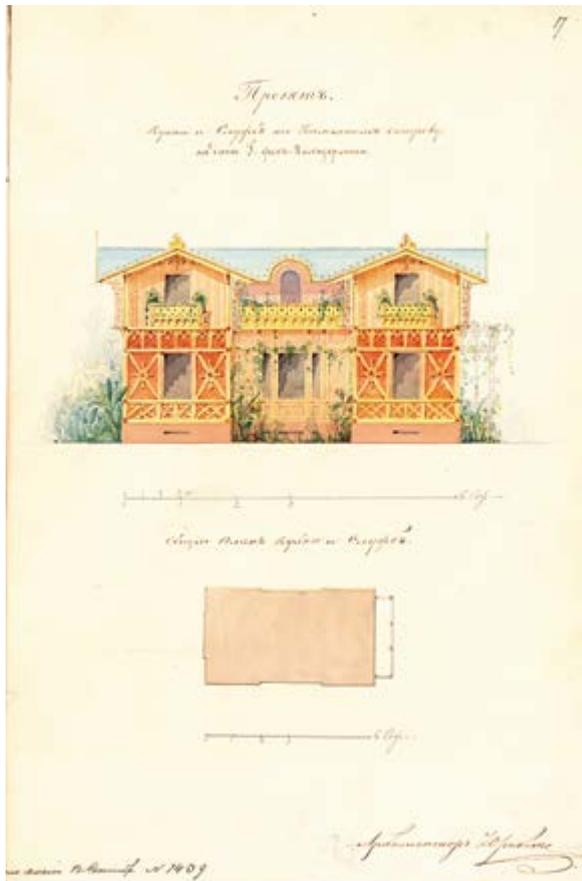

> Рис. 5. Театр на Каменном острове. Архитектор С. Л. Шустов. 1827 г. [9]

ва, большинство обитателей которого имели в фамилии частицу фон и являлись лютеранами.

В начале XX века Каменный остров стал застраиваться дачами в духе ар-нуво со сложными планировочными решениями и многосоставными, разновысотными объемно-пространственными композициями. В качестве примера приведем элегантный чертеж из «дела конторы герцогов Макленбургских-Стрелицких об отдаче в аренду участка земли под номером 46 художнику Ф. Ф. фон

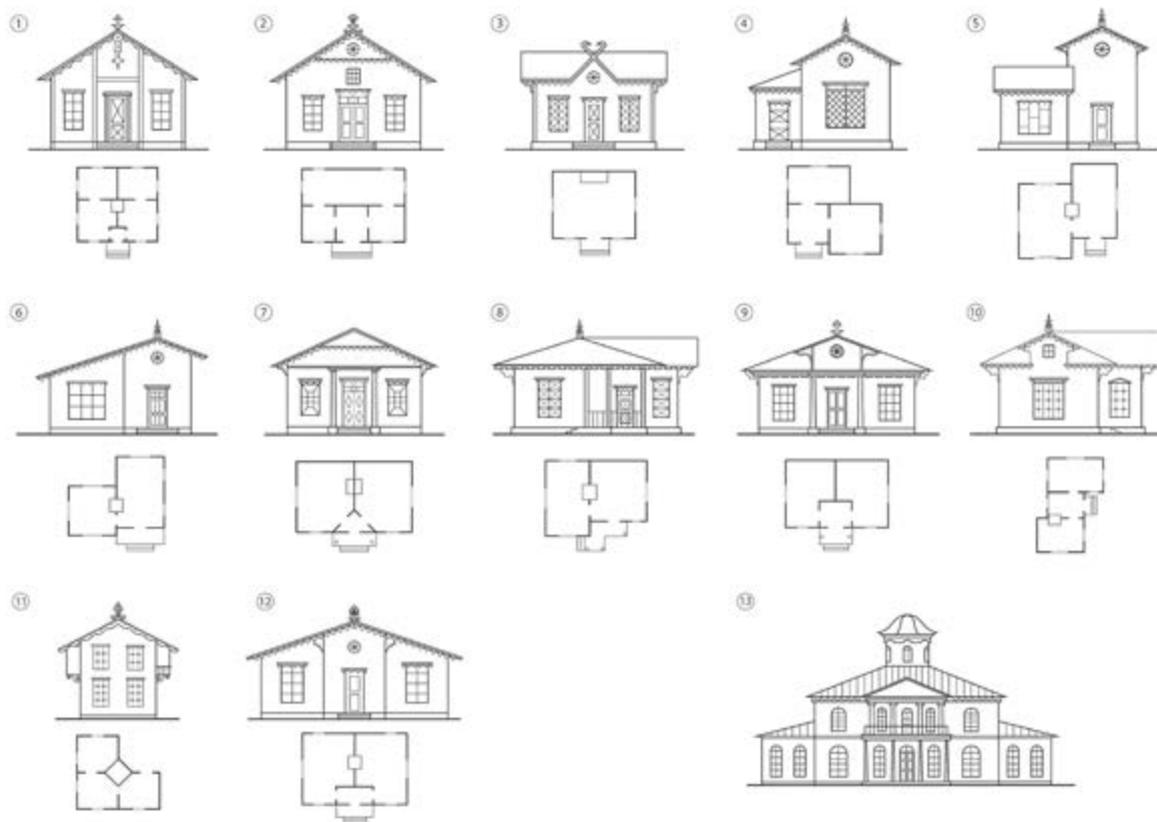

> Рис. 6. Проект кухни. Дача коллежского секретаря Г. фон Кельдермана на Каменном острове. Архитектор Юркевич. 1857–1872 [4]

Постельсу» [7]. Это очень комфортабельная дача: на плане видна ванная, во всех помещениях есть печи, комнаты имеют хорошие пропорции и по возможности увеличенное (за счет разнообразных эркеров) освещение. Внутренние пространства дачи зонированы на private, общественные и служебные. Несколько смущает обилие проходных комнат, да и в целом планировка нарочито усложнена. Фасад также демонстрирует претензию на художественность – эффектные контрасты (огромный шатер и стройная башенка, гладкая поверхность стен и пятна декора), разнообразие оконных проемов, сложный периметр фасада с выступающими и западающими частями – все это говорит об уверенном владении приемами нового стиля. Это не прямые цитаты из финского, германского, итальянского или венского модерна, а свободная импровизация на условно европейскую тему, без какого-либо намека на русскую традицию (рис. 3).

Между тем проблема конструирования и продвижения национального стиля имела государственное значение, фронтменом движения выступал академик В. В. Сулов, чья книга «Русское зодчество», изданная в 1911 году, подвела итог многолетним исследованиям «родной старины». Тем не менее национальный стиль так и не получил – за буквально единичными исключениями – распространения в городской архитектуре с жилой функцией. Зато в массовой дачной застройке «фольклорное» направление заявляет о праве на существование еще с 1850-х годов; мотивы русской архитектуры, популяризируемые одноименными альбомами (1874–1880), становятся востребованы в демократических дачных кластерах.

Павловск: от палладианских вилл к резным теремкам. Для анализа генезиса загородной архитектуры Павловска рассмотрим несколько проектов из фондов РГИА. В деле о «перестройке дачи и ветхих строений на участке графа Д. Н. Шереметьева в г. Павловске архитектором И. Д. Корсини» (1839–1846 гг.) [8] есть собственноручный рисунок заказчика, где, несмотря на крайнюю примитивность изображения, отчетливо читаются знаковые детали из лексикона классицизма: фронтон с «сухариками» и графским гербом по центру, ионический портик с балконом, парадный вход, ведущий

< Рис. 7. Варианты домов для Павловска [7]. Реконструкция М. П. Килиной

на крыльцо, и пергола (навес) с указанием «в сад». Новая постройка предназначалась для сдачи в наем в теплый период (дача), тем не менее на маленьком (10 × 15 см) эскизе Корсини (который был придворным архитектором графа Шереметьева в 1837–1853 гг.) нарисовал настоящую палладианскую виллу с гиерордером, объединяющим два этажа (в нижнем ярусе тонкие колонны расставлены с широким шагом, ионические колонны второго яруса гораздо толще, это странное, атектоническое решение намекает на неформальный характер постройки), с треугольным фронтоном и бельведером, увенчанным граненым куполом несколько ориентальных очертаний. На отгибающемся листочке есть второй вариант фасада – с парными французскими окнами (1845 г.) и примечанием о необходимости покрытия балкона, так как «через него грязь и самый большой вред дому». Иероним Доменикович также советовал побелить стены «сырой известью и алебастром», «усыпать двор песком», а для дорожек использовать песок и щебень.

Если принять за отправную точку рассуждения тезисы исследователей «архитектуры как коммуникации» (В. С. Вахштайн, В. Г. Басс), о том, что «старомодные художественные конвенции репрезентируют какие-то сущности за ними», можно предположить, какие сигналы посылались обществу через русские вариации английского палладианства. Ведь что, собственно, репрезентирует классическая вилла? Господскую культуру рабовладельцев, плантаторов и лендлордов. Схожая структура экономик, основанных на рабском (крепостном) труде в крупных латифундиях, влекла за собой воспроизводство классической ордерной архитектуры, со всей семантической нагрузкой. Если рассматривать дачи как пространство эмансипации общностей, раннее лишенных субъектности, не удивительно, что именно там выработывался новый архитектурный язык. Отказ от ордерной (господской) архитектуры и обращение к противоположной (крестьянской) строительной традиции зафиксированы в многочисленных сборниках типовых чертежей дач.

Интересно проследить, как образ дачи трансформируется от палладианской виллы, беленной «сырой известью и алебастром», в деревянный резной теремок.

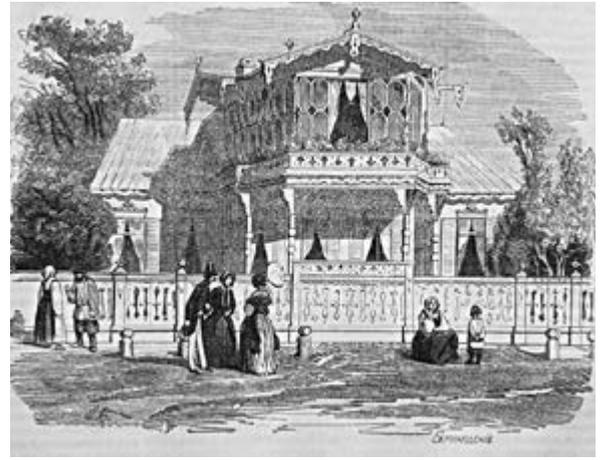
Множество дел, связанных с Павловском, хранится в 350-м («железнодорожном») фонде РГИА. Именно строительство железных дорог и организация пригородного сообщения стали определяющими факторами появления и развития демократичных дачных кластеров. С Павловским курзалом, расположенным в Павловском парке, связано русское наименование железнодорожных станций (вокзал). Ветка Царскосельской железной дороги соединила Павловск с Санкт-Петербургом в 1837 году, и уже в 1838–1840-х годах туда хлынули дачники.

Значительный интерес представляет проект 1860 года, подписанный инженером Бурдой и озаглавленный «Планы и фасады домов, находящихся в Павловском парке близ ж/д» [9]. На ватмане большого формата представлены чертежи 12 вариантов деревянных домиков в русском стиле на одну и две семьи (рис. 7). Десять из них одноэтажные, на 5-м варианте к основному объему пристроена двухэтажная башенка, 11-й вариант – двухэтажный, с большим балконом на всю длину фасада. Планировки разнообразны: изба, разделенная на четыре секции (вариант 1); изба, разделенная продольной стеной на большое помещение и три маленьких комнатки (2); простая клеть с сенями (3); ассиметричные композиции с комбинацией двух или трех помещений (4–6); небанальное решение с треугольными сенями, ведущими на две половины (7) и с ромбовидным тамбуром, объединяющим три комнаты (11); вариант с гульбищем (8); с шлюзом посередине (10); две избы, разделенные пополам без особых затей (варианты 9, 12). В зависимости от размера дома, на каждом плане обозначены одна-две печи. Большинство фасадов симметричны (варианты 1–3, 7, 9, 10, 12), входная группа расположена на оси симметрии, зафиксированной фронтонами с резными завершениями различных типов (на вариантах 2 и 12 нарисованы настоящие, классические акротерии), два окна расположены по бокам. Несколько домов имеют мезонины (варианты 9, 10), и все приподняты на цоколях, что позволяет развивать входные группы с крыльцами и навесами на резных столбиках. Все окна большие, прямоугольные с частыми ромбовидными или более сложными геометризованными переплетами, двери украшены разнообразным геометрическим декором

> Рис. 8. Дача Гамбса. Черная речка. Не позднее 1847 года [9]

> Рис. 9. Дача Яковлева. Архитектор Г. Боссе. Черная речка. Не позднее 1847 года [9]

– ромбами, плетенкой и т. д. Все проемы (в том числе слуховые окна) имеют живописное оформление, все кровли – резные подзоры. Изящная графика подчеркивает сказочный характер этих нарядных, жизнерадостных построек. Вероятно, такие дачки снимали на лето разночинные герои «Идиота» и сам князь Мышкин. Большая часть романа Ф. М. Достоевского (1867–1869) происходит в Павловске, сцена неудачной коммуникации представителей разных социальных слоев на концерте в Павловском вокзале является ключевой в романе. Большой, раскрашенный акварельной отмывкой с золотом, проект паркового фасада курзала (архитектор И. Потапов (?), 1860) [10] напоминает скорее жанровую сцену, так как многочисленный штаффаж (дамы в зеленых, розовых и голубых кринолинах, гвардейцы с эполетами на плечах, музыканты на веранде и экспрессивный силуэт дирижера по центру композиции) перетягивает внимание от фасада, акцентируя общественную функцию объекта, допускающего смешение сословий.

Черная речка. Пригородная культура начала формироваться в середине XIX века с появлением среднего класса (интеллигенция и мелкая буржуазия), не имевшего загородных поместий, но достаточно обеспеченного для съема летнего жилья в близкорасположенном «посаде» (урбанизированном аграрном поселении переходного типа). Для реконструкции формирования «ближнего дачного пояса» воспользуемся обзорами из еженедельного журнала «Иллюстрация», издававшегося в Петербурге с 1845 по 1849 год (находится в открытом доступе в зале периодики Российской публичной исторической библиотеки). В № 116 «Иллюстрации» [11] есть подробные описания («физиологические очерки») нового модного тренда: «...едва проглянет весеннее солнце, и травка начнет пробиваться, а по Каменно-Островскому проспекту возы с мебелью и домашним скарбом потянутся вереницей. В несколько дней везде полно делается через край». В рассказе о «наиболее любимом петербургскими жителями пригородном месте» – Черной речке – популярность локации («летняя населенность этих мест точно удивительная») объясняется «соседством с островами и близостью к городу».

На островах (Крестовском и Каменном) строили дачи титулованные особы, состоятельные иностранцы и потомки остзейского дворянства, там была развитая культурная жизнь (рис. 5), да и в целом – соседство с respectable локацией повышало символический социальный статус временных обитателей чернореченских дач («собственно, так называемая аристократия на Черной речке никогда и не проживала»), а близость к городу была критически важна, так как пригородные поезда еще не ходили и чиновники вынуждены были все лето добираться с дачи на работу извозчиками и дилижансами. Журналист «Иллюстрации» проницательно замечает влияние, которое указало появление нового – дачного – уклада, на экономическое поведение автохтонных селян, которые сначала сдавали дачникам помещения в своих непритязательных жилищах, а затем, «когда избы мужицкие стали тесны для городских жителей», стали строить на своих участках теремки под аренду: «...чем дальше, тем лучше – Черная речка стала городком и наконец вошла в городскую черту». «Став мещанами, крестьяне совершенно бросили хлебопашество», быстро поняв преимущества жизни рантье, ведь основной доход теперь приносила аренда дач.

В 1847 году на Черную речку переезжало «до 240 и более семей», в то время как на самой Черной речке было «только 40 домов» и еще столько же в прилегающих переулках. «Пойдите мимо этих полувоздушных домов – в редком из них нет двух-трех семей, да в флигелях, также отдельно сдаваемых по одному и по два семейства». Привлекает внимание эпитет «полувоздушные»: так хроникер попытался зафиксировать появление новой архитектуры – с террасами, верандами и обширными балконами, где протекала дачная жизнь. Популярность локации спровоцировала строительный бум: «ежегодно являются то новая дача, то этаж или пристройка». Журналист расхваливает местные красоты: «роскошные деревья сада на одном берегу, тогда как на другом тянутся чистые домики и спускаются к воде затейливыми лестницами к пристаням, к которым привязаны лодочки» и с энтузиазмом отзываясь о новеньких дачах Гамбса (рис. 8) и Яковлева (рис. 9). Последняя описывается с максимальной комплементарностью: «...это самая

> Рис. 10. А. А. Роллер. Эскиз декорации «Двор села Предиславина» к опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». Большой (Каменный) театр, Санкт-Петербург. 1841. Экспозиция Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва

красивая дача на огромном радиусе кругом, она прелестна. В июльский вечер, освещенная извне лампами, а снаружи еще не потухшей зарей, – она обворожительна. Вот, по мнению нашему, единственно приличный, оригинальный, милый характер для построек этого рода. Во сколько тысяч раз он предпочтительнее вил, палацо, даже котежей; чтоб такую избу выстроить, в ее идеях, контурах и резных украшениях – нужны талант, вкус, изобретательность. Эта маленькая дача – свидетельство большого таланта г-на Боссе». Несмотря на уверения журналиста, что деревянный резной терем лучше «котежа», в 1847 году тот же Боссе закончил дачу княгини Е. П. Салтыковой на Черной речке в стиле «петербургский тюдор». Статья была проиллюстрирована гравюрами «по рисункам г-на Гюю», благодаря которым мы видим чернореченские дачи глазами современников. Нарастающая потребность разночинного общества в коммуникации реализовывалась через архитектуру.

Семантика русской дачной жизни

Семантика включает множество сложно коррелирующих между собой пластов: это и концепт «назад к природе», инспирированный идеологами Просвещения от Жан-Жака Руссо до Генри Торо, и – в начале XX века – попытка адаптировать под отечественные реалии модной идеи гигиенистов и Э. Говарда, и формирование в окрестностях столиц ближнего «курортного» пояса, но для авторов статьи дача – это прежде всего пространство свободы, где русский обыватель ускользнувший из-под жесткого государственного надзора, обустроивает свой приватный мир. Взаимоотношение города и дачи можно рассматривать как дихотомию: государственное/частное, регламентированное/эмансипированное, мужское/женское. Русский, и в первую очередь петербургский, уклад был жестко мускулиный, пронизанный милитаристской культурой, не предусматривающей пространства женской эмансипации.

В первой трети XIX века «романтическими локациями», допускаемыми негласным общественным договором, стали курорты (кавказские и европейские): романы «на водах» являются основной фабулой «Героя нашего времени» Лермонтова и «Вешних вод» Тургенева, Пушкин

собирался писать «Роман на Кавказских водах» и т. д. Курорты в русской культуре золотого века служили своеобразными экстерриториальными пространствами свободного поиска партнера, но, так как и Баден-Баден, и Пятигорск (Кисловодск) находились далеко от русских столиц, эту не формальную, а само собой подразумеваемую функцию взяли на себя пригородные дачные поселки. Вероятно, впервые дача, как локация завязки романтических отношений, появляется в русской литературе в пушкинском отрывке «Гости съезжались на дачу» (1828), где герои беседуют на балконе, любясь светлым небом петербургской белой ночи. Балконы, веранды, террасы, бельведеры станут обязательным атрибутом дачной архитектуры. Они рассматривались как просцениумы, позволяющие свободно предьявлять постороннему, случайному взгляду частную жизнь и красоту хозяйки. Есть нечто общее между «полувоздушными» петербургскими дачами 1840–1850-х годов и театральными декорациям к «народным» операм, идущим в то время на сцене Большого (Каменного) петербургского театра (рис. 10). Дачная архитектура середины – второй половины XIX века стилистически была близка к курортной (Биарриц, Аркашон, Ривьера) – те же театрализованность и романтичность, нарядность, обилие пропиленного декора, острые силуэты, асимметричные объемно-пространственные композиции, группирующиеся вокруг башенных объемов с шатровыми завершениями.

Формирующаяся с конца 1840-х годов дачная жизнь предполагала расширение «пространства возможности». В отличие от охотничьих домиков – европейского типа временного загородного жилья с ярко выраженной гендерной окраской (мужская территория), дача с середины XIX века рассматривалась как «феминная» локация, так как мужчины всю неделю работали в городе, приезжая к семье по выходным (так называемые дачные мужья), и женщины пользовались относительной свободой. В отличие от зимних бальных сезонов, имевших ту же, матриониальную функцию, дачная жизнь предполагала большую проницаемость сословных перегородок благодаря наличию общественных пространств и множеству совершенно новых сценариев времяпровождения. Прогулки и пикники, купания, катание на лодках и ры-

балки, художественная самодеятельность – театральные представления и концерты, этюды и пленэры, крикет и теннис, обязательные гуляния на железнодорожной платформе в ожидании пригородных поездов, спонтанное хождение в гости (а не посещение с визитом) и проч. расширяло и упрощало вероятность романтических коммуникаций.

Лишенное (в отличие от жизни в усадьбе) экономической составляющей и совершенно праздное – на первый взгляд – дачное времяпрепровождение было наполнено активным (в виду короткого летнего сезона) поиском возможного партнера для совместного жизнеустройства. Это придавало дачной жизни интенсивную эмоциональную насыщенность; дачные романы являются важным сюжетом русской классической литературы (от Гончарова и Тургенева до Бунина и Набокова). Дачи как локации нерегламентированных романтических отношений появляются в главных русских романах второй половины XIX века – «Идиот» и «Анна Каренина», что свидетельствует о важнейшей роли загородной, дачной жизни в русском культурном поле.

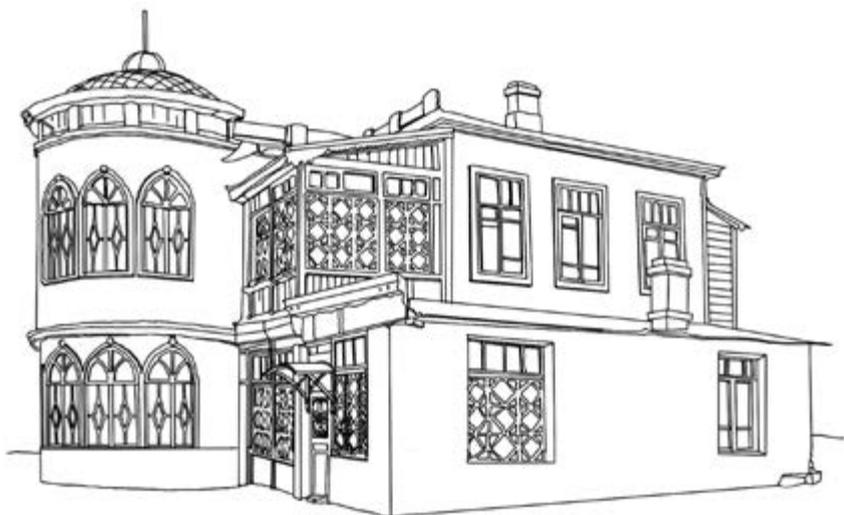
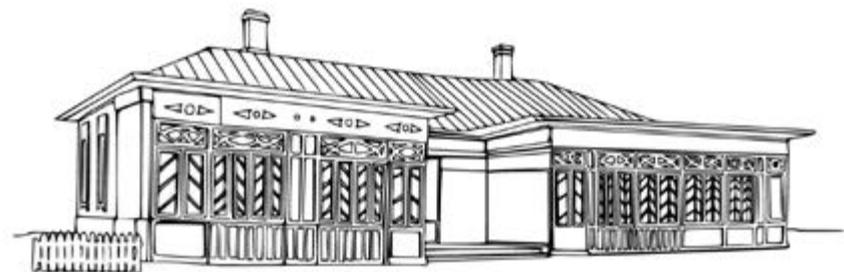
Дачи можно рассматривать как оппозиционное к городу пространство конструирования частной жизни. Эта главная, романтическая составляющая дачного уклада воспроизводилась по инерции в Советском Союзе до конца 1930-х годов. Действие важнейшей советской повести «Тимур и его команда» А. П. Гайдара (1940) разворачивается в дачном поселке и включает два параллельных романа – взрослый и детский. В послевоенном Советском Союзе дачи из пространства отдыха были переформатированы в «пространства выживания», и экономическая функция совершенно вытеснила романтическую. Дачи превратились в атомизированные подсобные хозяйства, что привело к исчезновению развитой типологии дачных общественных пространств, деградировавших до агитплощадки. Однако рудименты русской загородной культуры (мезонины, веранды, террасы) удержались в советской дачной архитектуре и регулярно воспроизводились в некапитальной низкоплотной жилой застройке садовых товариществ до начала 1980-х годов.

От Петербурга – до Харбина: трансляция дачной культуры. Сама идея бескорыстного любования приро-

дой и самоценности (без экономической составляющей) загородной жизни, восходящая к парковой философии Ренессанса и Просвещения, на первый взгляд, иномодно земледельческой, аграрной России, где природа (и прежде всего земля) традиционно рассматривается как источник пропитания/ренты. Опыт создания регулярных поселений в зеленой зоне начинается в Лефортово, и дачный уклад был во многом сформирован иностранцами-экспатами, воспроизводящими европейские традиции загородной жизни. В качестве примера можно указать на хорошо изученную застройку Каменного острова и менее известный в научном сообществе опыт организации загородной дачной жизни экспатами Владивостока, привлеченными в русское Приморье режимом портофранко. Энергичные и экономически состоятельные анклавные экспаты воспроизводили на северном побережье Японского моря европейские (американские) нормы комфорта и благоустройства, формируя в том числе основы приморской курортной архитектуры.

Практически все загородные локации, основанные иностранцами по берегам Амурского залива, разрушены, последняя историческая дача Садгорода погибла в 2018 году, но многочисленные хроники и мемуары современников зафиксировали размах и качество дачной жизни в окрестностях Владивостока в начала XX века. Не менее интересна тема русских дачных кластеров существовавших в окрестностях Харбина до 1930-х годов. Самый известный из них был разбит на Солнечном острове, напротив Харбина, и застраивался дачами служащих Китайско-Восточной железной дороги. Железные дороги (Уссурийская и Амурская ветки Транссиба) были кровеносной системой Тихоокеанской России, железнодорожные инженеры, получившие петербургское образование, были ее интеллектуальной элитой, они задавали параметры жизни с европейским уровнем комфорта

Судя по многочисленным фотографиям и открыткам, на берегу Сунгари кипела насыщенная жизнь, однако сегодня на острове сохранилось около десятка дач (искаженных реконструкцией), объединенных в комплекс «Русская деревня», с гигантскими матрешками и прочими привычными атрибутами хейлунцзянских «исторических» туристических локаций. По стилистике дачи на Солнечном острове имели отчасти «железнодорожный» характер, напоминая привычные дальневосточникам строения на маленьких станциях/полустанках (рис. 11). Центром харбинской летней загородной жизни служило бойкое заведение, известное как театр миниатюр «Пляж» – театр, клуб, кабаре, ресторан и концертный зал одновременно. «Пляж» был построен на берегу Сунгари харбинским коммерсантом еврейского происхождения Катцем в 1926 году и 70 лет хранил память о золотом веке эмигрантского Харбина, пока не сгорел в 1997 году. Этот парковый павильон, напоминающий трехпалубный прогулочный пароход, пришвартованный у пристани и окруженный по периметру палубами-галереями, часто фигурирует в воспоминаниях современников как культовое тусовочное место эмигрантской богемы, где собирались экспаты всех мастей – русские, поляки, венгры, датчане, итальянцы. Интересно, что копия театра миниатюр была построена в огромном архитектурно-ландшафтном парке «Усадьба Волга» (40 км от Харбина), воспроизводящем русский загородный уклад начала XX века и привлекавшем до 2020 года десятки миллионов южных китайцев, жаждущих увидеть «настоящую Россию». В «Усадьбе Волга», построенном в 2010-х годах, была воссоздана атмосфера эмигрантского Солнечного острова – с деревянными павильонами затейливой архитектуры, с пристанями, мостками, лодочными прогулками, фейерверками и проч. В самом Харбине, в рамках реновации Солнечного острова, также

в Рис. 11. Дачи на Солнечном острове. Харбин, 1920-е годы. Реконструкции по фотографиям Е. В. Глатоленковой

планируется реконструировать театр по архивным фотографиям. Следует еще раз отметить важнейшую роль, которую играли в русской дачной культуре общественные пространства.

Дачный уклад настолько вошел в русскую культурную матрицу, что воссоздавался на самых дальних рубежах отечества – под Ашхабадом и Ташкентом, в окрестностях Верного и Дальнего, под стенами Порт-Артура. На картах новых русских – туркестанских и тихоокеанских – городов начала XX века, хранящихся в фондах РГВИА и РГИА, зафиксированы многочисленные дачи. Именно там русские инженеры, офицеры, коммерсанты и чиновники, заброшенные государственной службой в инокультурные, часто враждебные и чуждые ландшафты, конструировали себе идеальный русский мир, воспроизводя заветный образ далекой Родины.

В заключении статьи сформулируем ее основные тезисы и зафиксируем выводы.

Параметры уклада летней загородной жизни изначально задавались императорским двором. По примеру высшего света, буржуазия и средний слой также стали перенимать дачные практики.

Дача, в отличие от города, – пространство эмансипации с меньшей степенью социальной условности. Поэтому в дачных поселках появлялись разнообразные общественные пространства, и сама дачная архитектура в первую очередь демонстрировала «открытость», готовность к установке коммуникаций, в отличие от петербургской фасадной архитектуры («спящие громады пустынных улиц»), исключая спонтанное общение.

Ключевые характеристики дачной культуры – временность и переходность. Дачные поселки являлись переходной формой – от господской аристократической усадебной жизни (формат передающегося по наследству «дворянского гнезда») к арендованному сезонному жилью «на природе», от жестко стратифицированной классовой иерархии с непроницаемыми сословными перегородками к буржуазному и разнородному обществу.

Архитектурный образ дачи во второй половине XIX века развивался по двум направлениям – романтичному, эксплуатирующему лексикон европейской курортной архитектуры, и фольклорному, апеллирующему к мотивам русской архитектуры. Объединение этих традиций давало множество переходных вариантов от избы к шале. В конце XIX – начале XX века появляется «дачный модерн» – оригинальная версия деревянной архитектуры, вдохновленная выставочной культурой «бель эпок».

На формирование дальневосточной дачной архитектуры, являющейся экстерриториальной – не городской и не деревенской, не регламентированной, но и не вернакулярной, оказала влияние более «магистральная» и ресурсообеспеченная архитектура железнодорожных станций и полустанков, в свою очередь эксплуатировавшая весь спектр романтизированных архитектурных образов – от итальянской виллы (ст. Одинцово, архитектор Кекушев) до резного терема (ст. Хабаровск). Железнодорожные станции были порталами в дачные поселки, они являлись главными общественными пространствами дачных сообществ и часто служили источниками вдохновения и подражания.

Многими поколениями русских дача ощущается как «самодельный рай», конструируемый исходя из доступного бюджета. Дачный мир позволяет воплотить заветный образ родины.

Литература

1. Белов, А. В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века : город и процессы урбанизации сельских окраин. – Москва : Папирус ПРО, 2005. – 179 с.
2. Lovell, S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. – London : Cornell University Press, 2003. – 260 p.

3. Иванова, А., Глатоленкова, Е., Базилевич, М., Чанади, Г. Архитектурный образ Родины: Санкт-Петербург и Будапешт // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 169–178

4. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 295. Проектный чертеж рыбацкой избы с копильней и сараем на Михайловской даче. Планы, фасады, разрез. Архитектор А. И. Резанов. Подлинник. Тушь, акварель, бумага. 30/42. 1854 г.

5. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 101. Дом для рыбаков. План и фасад. Мыза Знаменская. Архитектор К. Симонис. 1842 г.

6. РГИА. Ф. 548 (Контора двора Вел. Кн. Елены Павловны). Оп. 1. Д. 1297 «Дело о разрешении коллежскому секретарю Кельдерману постройки новых служб взамен сгоревших на его даче на Каменном острове и продажи дачи. План участка Кельдермана, проект постройки служебных помещений, фасады и поэтажные планы. Архитектор Юркевич. Подл. Тушь, акв., бум. 45 × 32, 1857–1872 гг.»

7. РГИА. Ф. 556 (Контора принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альгенбургской и проч.). Оп. 1. Д. 537 «Дело конторы герцогов Макленбургских-Стрелицких об отдаче в аренду участка земли под номером 46 художнику Ф. фон Постельсу. Фасады, разрезы. Поэтажные планы местности. Подлинник, тушь, акв., бум. 34 × 123. 1907–1917 гг.»

8. РГИА. Ф. 1088 (фонд графов Шереметьевых). Оп. 12. Д. 141 «Дело о ремонте и перестройке дачи и служебных построек в г. Павловске (бумаги архитектора Корсини). 1839–1849 гг.»

9. РГИА. Ф. 350. Оп. 26. Д. 39. План и фасады домов, находящихся в Павловском парке близ ж/д. 1860 г. Ватман, чертеж. Инженер Бурда.

10. РГИА. Ф. 350. Оп. 26. Д. 50. Проект здания курзала в Павловске. План, фасад. Ватман. 1860 г.

11. Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. – Санкт-Петербург: Типография книжного магазина П. Крашенинникова и комп., 1847. – Т. 5, № 116. – С. 29–33

References

Belov, A. V. (2005). Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka : gorod i protsessy urbanizatsii selskikh okrain [Moscow, Moscow suburbs, suburban settlements in the second half of the XIX – early XX centuries: City and urbanization processes of rural suburbs]. Moscow: Papyrus PRO.

Illustration: A weekly edition of everything useful and elegant. (1847). 5(116), 29-33. St. Petersburg: Printing house of the P. Krashenninikov & Co Bookshop.

Ivanova, A., Glatolenkova, E., Bazilevich, M., & Čanađi, G. (2021). Architectural image of the Motherland: Saint Petersburg and Budapest. Project Baikal, 18(70), 169-178. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1909>

Lovell, S. (2003). Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. London: Cornell University Press.

RSNA (Russian State Historical Archive). F. 350. Inv. 26. File 39. Plan and facades of houses in Pavlovsky Park near the railway station. (1860). Whatman drawing. Engineer Burda.

RSNA. F. 350. Inv. 26. File 50. Project of the building of the Kursaal in Pavlovsk. Plan, facade. Whatman. (1860).

RSNA. F. 485. Inv. 3. File 101. House for fishermen. Plan and facade. Znamenskaya Manor. Architect K. Simonis. (1842).

RSNA. F. 515. Inv. 71. File 295. Design drawing of a fisherman's hut with a smokehouse and a shed at Mikhailovskaya dacha. Plans, facades, section. Architect A.I. Rezanov. Original work. Ink, watercolor, paper. 30/42. (1854).

RSNA. F. 548 (Office of the Court of the Grand Princess Elena Pavlovna). Inv. 1. File 1297 "The Case of the Collegiate Secretary Keldermann permission to build new services to replace those that burned down on his dacha on Kamenny Island and sale of the dacha. Plan of Keldermann's property, the project of service facilities, facades and floor plans. Architect Yurkievich. Original work. Ink, watercolor, paper. 45 × 32, 1857-1872".

RSNA. F. 556 (Office of Princess Elena Georgievna of Saxe-Algenburg, etc.). Inv. 1. File 537 "The Case of the Office of the Dukes of Mecklenburg-Strelitz on the lease of land number 46 to the artist F. von Postels. Facades, sections. Floor plans of the area. Original work. Ink, watercolor, paper. 34 × 123. 1907-1917".

RSNA. F. 1088 (fund of Counts Sheremetevs). Inv. 12. File 141 "The Case of repair and rebuilding of the dacha and outbuildings in Pavlovsk (papers of the architect Corsini). 1839-1849".